

Костромская духовная семинария – «окно» в эпоху Просвещения

Расположенный рядом с Костромой Ипатьевский монастырь с 1705 г. был местом ссылки для братьев Иоанникия и Софония Лихудов. Сама Кострома тогда – один из многочисленных городов огромной Московской губернии, – свой статус провинциального города она получит позже. Ипатьевская обитель пришла в упадок в годы петровского правления¹. Никто не вспоминал тогда о призвании из этого захолустного пригородного монастыря первого царя династии Романовых. Пожалуй, ярче всего отражает его состояние донесение архимандрита Гавриила (Бужинского) от 1721 г.: «всего же разорения обители кратко и описать невозможно»². Вероятно, поэтому создание костромской семинарии связано не с именем Лихудов.

Решающим импульсом к созданию и развитию в Костроме духовной школы стало учреждение в 1744 г. Костромской епархии. В протоколе заседания Синода в качестве причины указывалось, что из-за огромных размеров Московской епархии «в разных и дальних от Москвы городех и уездех состоит церквей более пяти тысяч, монастырей более двух сот, которых единому архиерею управить весьма невозможно, отчего размножается раскол и в делех челобитчиком, також производимым во священство и в церковный причет волокита и многое продолжение чинится»³. Таким образом, для Синода побудительным мотивом было решение дел административных и борьба с расколом.

Сильвестр (Кулябка), первым из владык добравшийся до Костромы в 1746 г., озаботился созданием епархиальной школы. С огромным трудом изыскивали средства⁴. Детей набирали из семей духовенства, но дело было необычное, непонятное. Прошёл слух, что неспособных будут отдавать в солдаты, и родители прятали недорослей, а ежели посланные их находили, то матери плакали, провожая, как по мёртвым. Позже указом епископа

¹ [Павел (Подлипский)]. Описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1835; Диев М. Я. Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1858; Островский П. Ф. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870; Баженов И. В. Костромской Ипатьевский монастырь. Кострома, 1909.

² Цит. по: Костромской Ипатьевский монастырь. Кострома, 1913. С. 13. См. также: ГАКО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 1265 (Дело по доношению Ипатского архимандрита Гавриила Бужинского в 1721 г. о состоянии Ипатьева монастыря).

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 25. Д. 319 (1744). Л. 12.

⁴ ГАКО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 2. Л. 137, 147–148.

Симона было определено: «непонятных и к продолжению высших наук ненадежных пятнадцать человек учеников из семинарии уволить»⁵. Предполагалось отдать их родителям для самостоятельного обучения наукам, а если и после того экзамен не выдержат, – «отослать для определения в военную службу», или в солдатскую школу, или «куда они способными окажутся в светскую команду»⁶.

Только в 1747 г. удалось набрать 30 учащихся. Первым учителем стал монах Ипатьевского монастыря Анастасий⁷. Однако, стоило Сильвестру (Кулябке) покинуть епархию, как школа закрылась, ученики были распущены. Можно сказать, что в первое десятилетие существования епархии настойчивое желание владык учредить духовную школу уравновешивалось столь же упорным нежеланием местного духовенства способствовать этому. Стабильным стал семинарский быт только при владыке Дамаскине (Аскаронском), который принял епархию в 1758 г.⁸

В соответствии с рекомендациями Духовного регламента размещать семинарии «не в городе, но в стороне, на веселом месте удобное, где несть народного шума, ниже частыя оказии, которые обычно мешают учения, и находит на очи, что похищает мысли молодых человек, и прилежать учением не попускает»⁹, он определил для семинарии место на окраине Костромы. В 1759 г. владыка построил подле древнего Спасо-Запрудненского монастыря «огромный двухэтажный корпус»¹⁰ для учеников, а рядом – свой архиерейский дом и дома для учителей, разбил сад, устроил пруд. Выписал из Киево-Могилянской академии учителей: братьев Максима и Ивана Фёдоровых, которые стали преподавать «по академической методе» один греческий, а другой – латинский языки. Позже к ним добавились другие выпускники Киевской академии.

Все учителя говорили по-украински, а местные говоры считали искажением правильной «мовы», разница была столь велика, что учителя с учениками часто не понимали друг друга. «Заботливый Дамаскин с

⁵ Там же. Д. 1. Л. 164–165.

⁶ Там же.

⁷ Андроников Н. Исторические записки о Костромской духовной семинарии и о Костромской губернской гимназии. Кострома, 1874. Паг. 1, С. 6.

⁸ Диев М. Я. Исторические исследования о Костромской стороне, представленные Преосвященнейшим костромским Леониду и Филофею, для комиссии, учрежденной по программе Святейшего Синода, для составления церковно-исторического описания Костромской епархии. 1851–1855. См.: ОР РНБ. Тит. 4021. Л. 58.

⁹ Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого [...] по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената, в Царствующем Санктпетербурге в лето от Рождества Христова 1721. Л. 54 об.

¹⁰ ОР РНБ. Тит. 4021. Л. 62.

терпением переносил все затруднения и ещё при своей жизни имел удовольствие малороссиян заменить питомцами Костромской семинарии»¹¹. Первым из них стал Иоанн Красовский. Чтобы приохотить детей духовенства к образованию, владыка содержал семинаристов на казённом коште.

Смерть прервала труды архипастыря летом 1769 г.; сменивший его Симон (Лагов) тоже стал душой семинарских штудий. Он поощрял учебные занятия учащихся «денежными вспоможениями, подарками книг», частенько пешком ходил из Ипатьевского монастыря на Запрудню «в одном подряске в белой шляпе», «а иногда проживал при ней безвыходно по нескольку дней», смотрел тетради казённых учеников, проверял упражнения¹². Надо при этом учесть, что не было в ту пору ещё ни Костромской губернии, ни наместничества, и владыка – первое по статусу лицо в городе.

В то же время преосвященный «сообщал учёную ревность» и преподавателям семинарии: «кого он видел к тому способным, тем он делал учёные препоручения, со всем радушием снабжал их наставлением и материалами»¹³. Одним из таковых препоручений можно считать работу Иоанна Красовского над рукописью «Истории костромской иерархии», которую можно считать первым в Костроме краеведческим трудом, созданным в соответствии с методами исторической науки того времени.

Примечательно то, что за всем стоит личная заинтересованность владыки именно в формировании у семинаристов потребности в интеллектуальной деятельности. Этому же способствовало создание при семинарии немалой библиотеки. Складывалась традиция, в соответствии с которой архипастыри завещали семинарии свои книжные собрания.

Первоначально библиотека хранилась в семинарском деревянном доме, что представлялось неудобным. В 1772 г. Симон (Лагов) устроил для неё новое помещение: в нижнем этаже каменной Спасо-Запрудненской церкви¹⁴. В 1775 г. семинария сгорела, книги же, благодаря переводу в каменное помещение, остались целы¹⁵.

Приходя из родительского дома диковатыми пареньками, мало отличаясь от своих крестьянских сверстников, семинаристы попадали в среду, во многом ориентированную на светскую культуру. Они читали поэмы Овидия и Цицерона, писали стихи (это входило в обязательную программу занятий), читали книги семинарской библиотеки («Ибо без

¹¹ Там же. Л. 65–66.

¹² Там же. Л. 87.

¹³ Там же. Тит. 4013.

¹⁴ КОИАХМЗ. КОК 25126 (Материалы для истории Костромской семинарии. Отд. 2). Л. 19.

¹⁵ Там же. Л. 24 об.; Диев М. Я. Первое столетие Костромской епархии. См.: ОР РНБ. Тит. 4015. Л. 81–82.

библиотеки, как без души академия»¹⁶), среди которых было много книг светского содержания. Достаточно сказать, что только библиотека преосвященного Евгения (Романова), поступившая в семинарское книгохранилище, содержала переводы на русский язык трудов Монтеня, Вольтера, французских энциклопедистов.

Все попытки обустроить территорию Спасо-Запрудненского монастыря¹⁷ не могли изменить главного: старые здания ветшали. Требовались меры кардинальные, и в 1798 г. семинария была на 5 лет переведена в Ипатьевский монастырь¹⁸. За это время, к 1802 г., для неё на Запрудне было отстроено два «огромных» деревянных корпуса. Один из них предназначался для учебных классов, другой – для учителей¹⁹. По описанию Н. О. Андроникова, в одной из восьми комнат «классических покоек» помещалась публичная аудитория для диспутов и выпускных экзаменов²⁰. Появление этого помещения свидетельствовало о стремлении сформировать в семинарии и вокруг неё «общественный дух». Одним из средств для этого стало проведение открытых экзаменов, которые становились событием для всего города, собирая множество публики. Их называли «рацеи на препотах».

Традиция публичных экзаменов сохранилась до 20-х гг. XIX в.²¹, когда семинария после пожара в декабре 1813 г. была переведена в город: старшие классы – в Богоявленский монастырь, младшие – в один из соборных домов на кремлевском холме²².

Наряду с устроением Костромской семинарии владыки прилагали усилия к созданию сети начальных духовных школ. Ещё Дамаскин (Аскаронский) при каждом из семи духовных правлений весной 1760 г. открыл начальные школы для обучения «азбуке, букварю, заповедям Божиим, часослову, псалтири, шестодневу, церковному уставу и нотному пению»²³. Вероятно, первые училища в уездах также ненадолго пережили своего создателя и закрылись, не встречая поддержки на местах.

Позже на их месте были созданы духовные училища – центры образования и образованности в уездах. Так, в 1791 г. были открыты духовные училища в Нерехте, а также при монастырях – Галичском Пасиевом, в Тихоновом Лухском и в Макарьевском Унженском. Преосвященный Павел (Зернов), распорядившийся об их создании, объяснял это так: всех желающих поселить в семинарских покоех

¹⁶ Духовный регламент... Л. 49 об.

¹⁷ ОР РНБ. Тит. 4015. Л. 82.

¹⁸ Там же. Тит. 4021. Л. 94–96.

¹⁹ Там же. Л. 97.

²⁰ Андроников Н. Указ. соч. С. 32.

²¹ ГАКО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 129. Л. 41.

²² Там же. Д. 115. Л. 41.

²³ ОР РНБ. Тит. 4021. Л. 60.

невозможно, и «дабы не отнять ревность у желающих продолжить науки, долгом поставляем мы [...] завести в епархии нашей ещё училища...». Способных к наукам после училищ предполагалось рекомендовать в семинарию²⁴. Так училища стали не просто подготовительным звеном, но и местом отбора лучших.

По отчёту о ревизии 1824 г. трёх училищ одного из преподавателей Костромской духовной семинарии Н. Соснина, можно судить о том, что главным предметом были древние языки, а главным навыком считался перевод²⁵.

По окончании семинарии лучшие поступали в духовные академии Москвы и Петербурга, а в начале XIX в. их стали направлять и в светские учебные заведения – по медицинской части, позже – по педагогической. Закладывалась традиция, которую Костромская духовная семинария бережно сохраняла до самого своего закрытия в 1919 г. Благодаря ей, из этих стен вышли учёные и путешественники, философы, богословы, историки, археографы, статистики, врачи, литераторы.

Но это – участь немногих, уехавших в столицы, которые давали больше возможностей для самореализации. Остальные получали сельские приходы, вынуждены были жить сельским трудом, который только и позволял прокормить семью. Кому-то удавалось и там реализовать свой интеллектуальный голод, они становились членами-корреспондентами столичных учёных обществ, Костромского губернского статистического комитета, позже – Костромской учёной архивной комиссии. Священно- и церковнослужители писали церковно-приходские летописи, посылали заметки в Костромские губернские, а в конце столетия – и в епархиальные ведомости.

Священник Симеон Костров во второй четверти XIX в. служил в храме с. Романцева Буйского, в имении известного масона Н. М. Сипягина. Он писал своему другу, учёному протоиерею Михаилу Диеву в Нерехту, что он пытался выяснить у бывших учеников своих, «не представляет ли кто предначертания к изъяснению сельского катехизиса, не собирает ли кто учёных новых книг, не старается ли кто о заведении училища?», – и, получив отрицательный ответ, горестно восклицал: «О, семинария, семинария! Для всех сынов твоих матери щедроты твои изливались одинаково, отчего же появились у тебя пасынки? Где учение, где образование? Соха и косуля унесли всё, серп и коса заменили место всех языков и всех предметов»²⁶.

Таким образом, семинарии создавались для «ошколивания» будущих священников, ибо, по словам Феофана (Прокоповича), составителя

²⁴ КОИАХМЗ. КОК 25126. Л. 94.

²⁵ ГАКО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 97. Л. 155.

²⁶ ОР РНБ. Тит. 4898.

Духовного регламента, «когда нет света учения, нельзя быть доброму церкви поведению, нельзя не быть нестроению, и многим смеха достойным суевериям, ещё же и раздорам, и пребезумным ересям»²⁷, «убо учение доброе и основательное есть всякой пользы, как отечества, так и церкви, аки корень и семя и основание»²⁸.

Начиная с появления первых епископов на созданной в 1744 г. костромской кафедре, ими прилагались значительные личные усилия к созданию духовных учебных заведений, как в Костроме, так и в уездных городах епархии. Очевидно намерение привить стремление к интеллектуальной деятельности, для чего там создавалась особая атмосфера, в которой ценились науки и искусства, поддерживались и воспитывались исследователи. Критерием успешности можно признать количество учёных, профессионально занятых в сфере производства и трансляции новых знаний. Именно выпускники семинарии составили впоследствии славу губернии. Историк семинарии с гордостью замечал: «в состав вновь открытой Российской Академии в 1783 г. и в число 14 членов новооткрытой Академии – представительницы отечественного просвещения, поступили три воспитанника Костромской Духовной семинарии, Протоиереи: Иван Иванович Красовский, Георгий Михайлович Покровский и священник Иван Иванович Сидоровский. Всех членов духовенства было шестеро, следовательно, половина из них костромских»²⁹. В 1791 г. И. И. Красовский был удостоен золотой медали за свои учёные труды.

Учёные диспуты учащихся и экзамены выпускников семинарии свидетельствовали о стремлении к созданию «сферы публичности», одного из признаков «гражданского общества». И это удалось, они становились событиями в жизни города. Лишь к 30-м гг. XIX в. набравшая вес Костромская гимназия оттеснила в жизни Костромы семинарию на второй план. Да и то можно сказать, что становление нового, светского уже среднего учебного заведения во многом было обязано выпускникам и преподавателям семинарии, взявшим на себя чтение классических языков и некоторых гуманитарных курсов³⁰.

²⁷ Духовный регламент... Л. 42 об.–43.

²⁸ Там же. Л. 43.

²⁹ Описание библиотеки Кафедрального Успенского собора // Костромские губернские ведомости. 1858. № 27. 12 июля. С. 264:

³⁰ Андроников Н. Указ. соч. Паг. 2.